

РАССКАЗЫ

РАССФРАЗЫ ПРО ПИАНИНО

Пианино

Было пианино.

Пианино и окно.

Пианино стояло у окна.

Пианино и хозяин.

У пианино был хозяин...

Хозяин и пианино.

... У хозяина было пианино.

Пианино и телевизор (различия).

В пианино нельзя было смотреть, а на телевизоре — играть.

Пианино и телевизор (сходство).

И у пианино и у телевизора были углы. А еще они стояли у одного окна.

Пианино и орфографический словарь.

На пианино иногда клали орфографический словарь. На нем собиралась пыль. Когда словарь убирали, то на светлом фоне пыли оставался темный силуэт словаря. И все долго помнили, что там лежал словарь.

Пианино и словарь английского.

Со словарем английского иногда происходило то же, что и с орфографическим.

Пианино и забавные истории.

Когда у хозяина собирались гости, он любил рассказывать забавные истории, стоя рядом с пианино. Если все начинали хохотать, он хохотал тоже, стуча при этом пианино по крышке.

Струны гудели, пианино сердилось.

Пианино и кино.

Хозяин иногда ходил в кино на комедийные фильмы. Когда становилось очень смешно, он начинал хохотать и забывал, что он в кинозале и рядом нет пианино. И начинал хлопать ладонью соседа по коленке. Иногда он получал за это в морду и вспоминал про пианино.

Пианино и газовая плита.

Никак не пойму, при чем здесь газовая плита.

Пианино и девочки.

Иногда хозяин ходил по девочкам. Там он всегда хвастался, что умеет играть на пианино, а девочки откровенно крутили пальцем у виска. Хозяин сердился, а дома, ночью, в тайне от всех тихонько играл на пианино.

ок. 1994 г.

ЗАПИСКА

*Посвящается Ольге, которая приснилась мне,
чтобы подать идею этого рассказа.*

Он закончил Машину в полночь. Ровно в полночь.

Когда картавые часы принялись хрипло и с французским проносом отбивать Грань, Он как раз закручивал решающую гайку; последние двенадцать ее оборотов совпали с предсмертной воркотней узкоплечевого кабинетного механизма. Через секунду часы прекратили свою утробную возню, агонально охнули под гаечным ключом и, покосившись, сдохли, харкнув мелкими брызгами циферблата в лицо Хозяину.

А Он стоял, хохоча... Нет, — смеясь, как смеялся он только в детстве, да и то всего лишь раз, — свободно, золотисто...

Взгляд Его упал на календарь, оскаблившийся по-недельником рядом с портретом Уэльса; последовал новый взрыв смеха.

Он сорвал календарь со стены, ткнул его Уэльсу в застекленную физиономию...

— Вуаля, Герберт! — бликнул Он, — теперь нам эта штука не понадобится! Вот ты удивишься, когда я заявлюсь к тебе завтра на своей Машине!

Он бросил календарь на стертый пол и крикнул в глухое, закостеневшее на ночь пространство дома:

— Норма! Слышишь, Норма?!

Молчание.

Он покинул кабинет и направился на поиски.

Заметив свет в ехидном прищуре одной из дверей, открыл ее, вошел...

Норма спала, дрябло разметавшись в морщинах

простыней. Она была пьяна.

Рядом смердел пухлый труп коньячной бутылки.

Подойдя к конопатой от табачной крошки постели, Он наклонился и тронул женщину за вялое плечо; позвал:

— Норма!

Она замычала. Он тряхнул сильнее:

— Норма, слышишь? Норма! Проснись!

Она разлепила ресницы, ахнула и в испуге отшатнулась. Бутылка дернулась, пустив горлом темную коньячную кровь, и откатилась на край кровати.

— А? Что?! Зачем... Зачем у тебя это... этот ключ? Ты опять... будешь меня бить?!

Норма вжалась в шелковую стену и побледнела. Ее розовое вечернее платье было усыпано пеплом. Косметику развезло.

— Бить? — Он недоуменно вытянулся и только сейчас заметил, что до сих пор держит в руке свою железку. — Бить? Нет... Я закончил. Закончил Машину, понимаешь?! — потянулся Он к жене.

Та подобрала ноги и скрипнула:

— Машину? Какую ма... Аа-а... Машину...

— Да! Пойдем, я покажу тебе! — Он схватил ее бледную, липкую от коньяка руку и потянул за собой.

Норма вырвалась и заскулила:

— Мне... Мне плохо... А-а...

Ее вырвало на комки несвежих простыней. Затем еще и еще.

Он брезгливо выпятился, ударил ключом по бутылке, отчего та разлетелась вдребезги, и, матюгнувшись, вышел вон, морща спину. Но, вернувшись к себе и поймав на лице отраженный Машинной солнечный зайчик, вновь счастливо улыбнулся, забыв о жене.

— Машина моя! — лепетал хозяин, отложив ключ и глядя ее зеркальное брюхо обеими руками, — Ну, куда мы с тобой отправимся? В прошлое? Нет... Всё мое прошлое — это Ты. А чужое прошлое мне не интересно. Нет, я создал тебя для Будущего. Туда-то мы и полетим. Да?

Он взял со столика стакан с молоком, отхлебнул, забрался в кабину и захлопнул дверцу. Посмотрев на алтарь приборной доски, сглотнул в нерешительности, всхлипнул и зажмурился. Затем, не глядя, ткнул в глаз пусковой кнопки. Дернуло и перестало, затихло... Возникло странное ощущение движения сразу во все стороны, падения кувыркком и полной неподв...

Стоп.

Он открыл глаза.

Пустота. Пустота и бесцветие. **Ничего.**

Он смотрел, и в душе его пересыпались камешки всевозможных чувств: от страха до какого-то тупого, некрофильного восторга...

Потом душевная пыль улеглась, и Он успокоился.

«Всё нормально. Так? Ну, ничего. Не страшно. Назад. Жаль? Ну, жаль. Назад...»

Хватит. Но...

Все то же бесцветие и безмолвие. Прошлого тоже не было.

«Как же так? Не может быть... Не может...» — думал Он с панической покорностью, гоня Машину туда-сюда. Наконец, устал и остановился... Безнадежно оглядев пространство, вдруг напрягся, подался веред и вздрогнул.

Что-то вертелось за окном. Клочок бумаги. Не считаясь с опасностью (чем может грозить пустота...), Он слепо распахнул дверцу, схватил обрывок и закрылся снова. А разглядев его, — побелел и бессильно растекся по креслу.

«Милый, завтрак в холодильнике. Не скучай. Если будет время, — загляну. Норма.»

— Да... — усмехнулся Он, — Если будет время... Если будет... Придется становиться философом.

Он скомкал записку, прикрыл глаза и затих.

Вдруг по его щекам потекли слезы.

Он вспомнил о стакане молока, оставшемся на столе в кабинете, и ему мучительно захотелось сделать глоток. Большой глоток. Всего один глоток.

10 марта 1998 г.

СОБАКА

*...Она всем противна, у нее болячки.
Ее собачники заберут.*

Альбер Камю

...А я не люблю запах маргариток.

Из разговора

Я старательно намазалил щеки, и только успел привести разок лезвием, как задребезжал телефон. Рука дернулась, и пена живописно окрасилась в розовый цвет. Моя пижонская страсть к опасным бритвам должна была однажды привести к подобной развязке.

Швырнув бритву в раковину, я, согласно требованию ситуации, выматерился и бросился в прихожую.

— Алло?

— Зимин? — вкрадчиво осведомилась трубка.

— Ну...

— Проверьте-ка, родной, почту — вам должно кое-что прийти.

Гудки. Некоторое время я отражался в зеркале с прижатой к щеке телефонной трубкой и был похож на пьяненького Санта-Клауса, сообщающего в полицию о нападении хулиганов. Потом опомнился, вытер морду о подол рубашки и спустился к почтовому ящику.

Я уже догадался, что именно меня поджидает, но радости от торжества своих аналитических способностей не испытывал. Какое там...

Повестка требовала завтра, к десяти часам явиться

в милицию для дачи показаний в качестве обвиняемого. Этот баран Коблов все-таки осуществил свою угрозу. Вот т-тварь!

Жаль, что он тогда появился не вовремя — я так и не успел... того... этого... его жену... Ну ладно, хоть ему навалял. Мало, видать. Ладно... Посвятим и этот день плотским удовольствиям. Помирать — так с музыкой.

Через минуту Лиса уже ехала ко мне, а я стоял перед раскрытой створкой бара, прикидывая, хватит ли выпивки.

Я склонялся к мысли, что хватит. Но уже к вечеру знал ассортимент и цены всех близлежащих магазинов.

Утром я с трудом разлепил веки и лежал без движения некоторое время, удивляясь самому факту своего пробуждения: судя по количеству пустых бутылок, у меня были все шансы захлебнуться ночью в собственной блевотине.

Лиса спала рядом, раскинув в стороны руки с обломанными ногтями. Сначала я слегка удивился этому таинственному явлению, но потом вспомнил некоторые подробности вчерашнего, и появление Лисы в моей койке стало понятным. Оставались загадкой ее обломанные ногти.

Загадка эта быстро разрешилась, как только я предпринял попытку подняться: спина и задница отозвались таким диким жжением, будто я сутки закрывал собой дыру в улье, предотвращая утечку пчел. Так... И с эти ясно. Кажется, я даже врезал ей вчера за это... Впрочем — плевать. Надо вышвырнуть ее к чертовой матери. Или пусть спит? Пусть. Заслужила. О, Боже, как не хочется никуда идти... Скотина Коблов, убить его надо было...

Оставив для бедной Лисы денег и выпив чудом сохранившегося от вчерашнего изобилия пивка, небритый и с нечищеными зубами я отправился в милицию, шатаясь, как перепивший портвейна второгодник. Ноги

были ватными, и тошнило так, словно я сожрал собственные стельки.

В общем — жизнь прекрасна и удивительна.

В таком состоянии я через полчаса доплелся до отделения, которое было в пяти минутах ленивого хода, и плюхнулся там в коридоре на скамейку.

До назначенного времени оставалось еще около четверти часа, да у меня и не было оснований спешить. Я прислонился к стене и с чистой совестью впал в коматозное состояние.

Вывел меня из него молодой капитан.

— Вы ко мне? Как ваша фамилия?

Я хрипло назвал.

— Вот что, — произнес он, постукивая пальцами по пустой кобуре. — У нас сейчас как раз гражданин Коблов... Вы подождите еще немного. Когда мы с ним закончим, то займемся вами.

С моей стороны никаких возражений не последовало, и «Следак» вновь исчез за дверью.

Ждал я долго, не меньше часа. Коблов так и не выходил. Я начал медленно звереть. Мало того, что меня плющило с похмелья, так я еще, хоть и нацепил, как порядочный, часы, но завести их забыл, и это «безвременье» меня доконало.

Есть у меня привычка — постоянно поглядывать на часы. Отсутствие их для меня — все равно, что для курильщика — отсутствие сигарет.

Вдруг я почувствовал, как моей ноги коснулось что-то теплое и явно живое. Я нагнулся, пошарил под лавкой и нащупал некое существо, покрытое свалывшей шерстью. Существо тихонько заскулило.

Собака.

Приняв мое прикосновение за ласку, она застучала хвостом по пыльному полу, выбралась на свет божий и доверчиво положила грязные лапы мне на колени.

Взгляд ее действительно был умен, это правда.

Впрочем, я ни разу не встречал собак с глупыми глазами. Да... Но видок этой псины лишь усугубил мое скверное самочувствие.

Она была явно бездомной, неопределенной породы — что-то вроде болонки, у которой и мамаша, и папаша страдали хроническим алкоголизмом, а зачатие своего чада произвели за трубой теплотрассы как раз в то время, когда там работал рентгеновский дефектоскоп.

Шерсть у этого создания была какого-то серовато-коричневого цвета, с залысинами и свисала под брюхом грязными колтунами. Сразу было видно, что пес давно не знал мучений стрижки, купания и вычесывания. Одного уха не хватало, другое было обкусано, — следы бурной юности, — и все в болячках.

Когда собака зевнула, обдав меня при этом зловонным дыханием, я увидел, что у нее выбиты передние зубы. Это наталкивало на определенные мысли.

Я кое-что знал о тюремных развлечениях и любовных утехах.

В общем, собака не могла вызывать ничего, кроме омерзения. Но...

Сам не зная почему, я вдруг принялся гладить ее.

Быть может, с пьяных глаз почувствовал с ней какое-то родство, может — рассчитывал вызвать у себя рвоту...

Черт его знает, но я гладил ее и разговаривал с ней, корчась от отвращения, которое, разумеется, никуда не делось.

Говорил я примерно следующее:

— Собачка ты моя бедная!.. Ой, какие мы грязные! Болеем? Болеем... Вот и купаться не любим... Голодная? Да я вот и сам еще ничего не ел сегодня, да... — и прочую чушь собачью. За этим занятием меня и застал Коблов, соизволивший, наконец, выйти. Следом высунулась голова капитана и попросила нас обоих подождать.

Опять ждать...

Коблов уселся напротив и уставился на меня, как мне показалось, с ненавистью. Чтобы не смотреть в его сторону, я еще плотнее занялся этой тварью и ублажал ее всякими там поглаживаниями и почесываниями, не переставая сюсюкать.

Собака при появлении Коблова проявила заметное оживление и пару раз подбегала к нему, но каждый раз неизменно возвращалась ко мне за новой порцией ласки. Коблов молча наблюдал за нами.

Так прошло минут десять. А потом он встал и снова зашел к следователю.

Вскоре тот показался на пороге, чем-то заметно раздосадованный. Не глядя на меня, сообщил:

— Дело меняется, гражданин Зимин. Вы можете идти, обвинение против вас снято. А вы, гражданин, — обратился он к собравшемуся выходить Коблову, — пока останьтесь.

— Я сейчас, — ответил он. — Мне нужно кое-что сказать этому человеку.

— Ну-ну. Только без драки, если можно.

— Можно.

Мы вышли на улицу. С минуту Коблов молчал, нервно дымя сигаретой. Я стоял безразличный ко всему. Если б Коблову пришла в голову мысль прикончить меня, он бы не встретил ни малейшего сопротивления.

Наконец, он раскрыл рот.

— Ты понял, почему я это сделал, Зимин? Почему я забрал заявление?

Я промолчал. Тогда он продолжил:

— Думаешь, я тебя испугался? Нет, Зимин... Я это сделал из-за нее.

— Из-за кого? — не понял я. — Из-за Лены?

— Заткнись ты! — прошипел Коблов в ярости. — Не произноси при мне этого имени! Я это сделал из-за нее, — и он кивнул на собаку, которая увязалась за нами следом, и теперь крутилась под ногами. — Из-за Дэз-

зи... Это собака моя, Виктор.

Он впервые за долгие годы назвал меня по имени.
Я это оценил.

— Я не понял тебя, Денис. Объясни.

— Чего тут... Ты приласкал ее. Ее даже... она б... я держу ее... В общем... — сложно передать его лепет, но что-то в этот роде.

— Ладно, Денис, думаю, я все понял. Но мне кажется, за это достаточно простого рукопожатия...

— Она и в самом деле уродлива, Витя. Ведь так? Она ведь действительно тошнотворна?

— Ну, как тебе сказать, — я сделал вид, что задумался. — Таких собак много. Видел и похуже... То есть, я хотел сказать...

— А руки я тебе никогда не подам, Зимин, ты уж не обижайся... Потому, что ты такая...

Он не договорил и, выбросив окурок, исчез в здании.

Собака потопталась в нерешительности, подошла к двери и улеглась рядом. Через секунду дверь раскрылась, и мягкий присвист зазвал Дэззи внутрь.

Я думал о пиве.

Засеменил снег.

05.02.99

ОНА ВЕРНУЛАСЬ

В его подъезде я, как всегда, измазался побелкой — ремонт здесь никогда не заканчивался. И сам Игорь был в своем репертуаре: изящен и неловок, смущен и развязан одновременно. Судите сами: протягивая мне руку, он сбил локтем стоящий на полке телефон, умудрился перехватить его у самого пола и поставил на место задом наперед. Пока я разувался, Игорь ловко отряхнул мое пальто от снега, но так, что шапка слетела с моей головы и отправилась вслед за телефоном. Я нагнулся за ней, Игорь нагнулся тоже, мы естественно, столкнулись лбами...

Одним словом, это был Игорь, и к этому можно добавить только одно: таким он был, когда я видел его в последний раз.

— Вот хорошо, что зашел! Здравствуй, — он был действительно рад мне. — Курить пойдем?

То есть: «Пойдем в подъезд, я там запалю свою вонючку, а ты будешь покорно нюхать», — вот что он имел в виду.

— Да нет, спасибо.

— Ну, чаю тогда...

— Ладно... Только не пропадай надолго! Я на минуту заскочил! — крикнул я в удаляющуюся спину.

— Проходи в комнату, все кнопки к твоим услугам, — ответил Игорь из кухни. Зашипел чайник, и потянуло табаком.

В комнате я включил магнитофон и уже хотел плюхнуться в кресло, когда мое внимание привлек лист бумаги, валяющийся на столе как-то... слишком уж от-

дельно. Вернее, все остальное — всякие там книги и журнальчики — те валялись, а листок этот именно лежал. Отдельно.

И вы бы это сделали, и Игорь бы сделал, и все бы это сделали. И уж, конечно, я это сделал.

— Вот еще дерьмо, — буркнул я, швыряя прочитанную записку обратно. — Фокусы...

Только я успел это сделать, скрипнула дверь.

— Чем занимаешься? — Игорь сунул ногой назад, и дверь с грохотом захлопнулась. На столе возник поднос с двумя дымящимися стаканами и несколькими тарелочками. Содержимое тарелок к чаепитию подходило мало, и принесено было явно из эстетических соображений, — чтобы поднос пустым не казался. Картошка вареная, хлеб, еще что-то... Закусон, в общем.

А быть может, Игорь и надеялся, но я с собой ничего не принес.

— Да вот, хотел попросить у тебя книжку почитать, — я взял со стола первую попавшуюся и показал ему...

— Вот как... — сощурился Игорь, разглядывая обложку. — С каких это пор ты начал интересоваться философией?

— Ну... Так мы же все-таки давно не виделись, — будем считать, что я нашелся, что ответить. — А ты как поживаешь?

— Чай бери, — он протянул мне стакан. Я покорно отхлебнул. Чай был, как и раньше: крепкий и чуть — чуть переслащенный.

— В общем — да, ты прав, — он как будто не слышал моего вопроса. — Но ты ведь, когда...

Тут он, по своему обыкновению, оборвал фразу и, отвернувшись, сощурился на лампу.

Была у него такая привычка, по моему мнению — дурацкая: не смотреть во время разговора в сторону собеседника, и обрывать фразу, когда мысль, пришедшая ему в голову, грозила утяжелить беседу или была

слишком неоформленной. В том случае, если отвести взгляд было неудобно, Игорь смотрел собеседнику в грудь, собирая при этом с его одежды крошки, ниточки, волос и прочую ерунду. И уж совсем была беда, если у собеседника оказывался плохо повязанный галстук или расстегнутая пуговица. Игоря это совершенно выводило из равновесия, он терял нить своих мыслей и не успокаивался, пока своими руками не исправлял недостаток. Часто это вызывало недоразумения.

Но это был Игорь, и я любил его.

Время шло. Я пил остывающий чай, Игорь шурился на лампу и черт знает, что происходило в его кошачьей голове. Наконец, поняв, что я так и буду хлюпать и молчать, он соизволил:

— Слушай... А почему ты ничего не спросишь о записке? Ты ведь прочел?

— За кого ты меня принимаешь?! Конечно, прочитал! «Погибаю от одиночества...», трали-вали... Баран ты.

Игорь довольно улыбнулся, и это завело меня. Я взорвался.

— Ну, чего ты лыбишься?! Титул получил, или потерянное имя вспомнил? «Одиночество...»! Что за одиночество такое, откуда?! Месяц всего не виделись!

— Два.

— Путь два — зато созванивались постоянно... Да и вообще: пошел ты! Я отказываюсь принимать это всерьез.

— Ты прав, всерьез этого принимать не надо. Да и пьян я был, когда писал... Но твои доводы... «Месяц...» С тобой два, с Машкой уже полгода, Костя — так вообще... ну ладно, с Костей тогда в троллейбусе... Олег... Где все? Когда ты их видел? Когда мы в последний раз собирались все вместе?

— Ну, когда... Давно, — я немного растерялся, чтобы доставить ему удовольствие.

— Вот! Видишь? А вспомни — ведь когда-то мы

жить друг без друга не могли. Жить не могли, елки-палки! А теперь? Телефон, телефон... Вздор.

— О! О! Поехал! Драма какая! Конечно, как же без нее... Тебе что — все разжевывать? Ну, Костя женился, Машка белкой крутится, Олег...

— Это я и без тебя знаю, как ты мог догадаться.

— Так в чем же дело? Какого черта ты мне нервы треплешь? Я здесь! Давай болтать, черт возьми... О бабах, лошадях, бильярде... Ведь ничего, по сути не изменилось. Просто мы... ну повзрослели, что ли.

— Нет, Витя. Все изменилось. Мы уже давно не друзья. Только вид делаем.

— Ну знаешь... Я тебе сейчас в морду заеду!

— Только рад буду.

Помолчали.

— Ладно, Игорек, ты прав, — сдался я. — Кое-что действительно изменилось. Все как-то... Да. Но... Что поделаешь? Мы уже не те сопляки, копошащиеся на свалке, и лучше смириться с этим. Ничего не изменить.

— Ты в этом уверен? Я — нет.

— Ну, вещай, — вздохнул я после паузы. — Я тебя слушаю.

Мне давно пора было домой — честно говоря, я зашел к Игорю только затем, чтобы согреться. Нарвался, что называется.

— Не могу сказать что думал долго... — начал он. — Эта догадка пришла ко мне как-то сразу — наскоком, среди ночи. Нет, наверное, я все-таки долго думал. Перед этим... Потом забыл. А позавчера проснулся уже с готовым решением и записал его в темноте... Вот...

Он протянул мне листок с неровными каракулями.

«Горе. Горе сплотит нас, и мы снова будет дружить.»

— Ну и что? — спросил я, возвращая ему листок, хотя сам все уже понял. — Что это значит?

— ...Спросил он, возвращая ему листок, хотя сам

все понял, — была у него и такая манера — вставлять в разговор реплики «от автора». — То и значит, что я напился. Ну, и сдуру...

— Дурак ты. Все еще детство в заднице играет... Это, в конце концов, неприлично — до сих пор быть таким придурком. И фраза-то какая глупая... пошлая...

— Да ладно тебе... Я же объяснил, — Игорь, кажется, немного смутился. Но я был доволен — мне удалось привести его в чувство. Во всяком случае, так мне тогда показалось.

— Объяснил... — вздохнул я и поднялся. Игорь поднялся навстречу. С минуту мы смотрели друг на друга, потом я схватил его за плечи и легонько встряхнул.

— Ну, чего ты? Кончай ныть. Слушай... Мне сейчас некогда... Давай как-нибудь...

— Выпьем, что ли? — он вскинул на меня напряженные глаза: недовольные, но и жаждущие.

— Обойдешься. Нет, просто посидим. Вызвоним еще кого-нибудь... Машку твою.

— Она не моя

— Я пошутил. Ну, так как?

— Хорошо.

— Договорились, — я выпустил его и шагнул к двери. — Пошли — выгонишь.

В прихожей Игорь помог мне надеть пальто и шутиво ткнул меня в бок.

— Ты прости, что я тебя напряг. Напряг, я же вижу... Но... Я так соскучился по вам всем, черти! Ведь как хорошо нам когда-то было... А сейчас... Ты не обращай внимание — у меня и раньше так бывало, ты знаешь... Ведь у каждого своя мера одиночества и свое понятие о том пределе, которого оно может достигать...

— Будет все хорошо. Все рассосется, вот увидишь, — нашел я оригинальные и нужные слова.

— Вряд ли... — Непонятно было, что именно «вряд ли»: что рассосется, или что он это увидит.

— А ну тебя, — отмахнулся я и вышел вон. Пока я дожидался лифта, Игорь стоял в дверном проеме и курил.

Таким он и остался в моей памяти: слабый контрольной свет, и его тонкая фигура, окутанная дымом. И тень. Тень, падающая на него от двери. Я уже входил в кабину, когда услышал его слова:

— Да, Витя... Тут есть еще кое-что. Она вернулась.

— Какая еще «она»? — не понял я.

— Трудно объяснить... У каждого человека есть Она. Виденная однажды. И у тебя есть, наверное... Моя вернулась вчера ночью, и...

Двери лифта захлопнулись. Я нажал кнопку и ждал несколько секунд, прежде чем они распахнулись снова. Но, когда это случилось, Игоря на площадке уже не было.

Добираясь домой, я все валял в голове его странные слова. Какая «она»? Куда вернулась? Но так ничего не придумав, я выкинул эту ерунду из головы.

А ночью эта ерунда выкинула меня из кровати. Дрожащей рукой я нащупал выключатель и сел.

Она. Она есть у каждого. Не смерть, не любовь, не боль и прочая философско-мистическая помойка. Ничего сложного и заумного — просто она, она, виденная однажды и позабытая. Но которая заставляет нас вглядываться в лица встречаемых, заставляет жить одному или влюбляться в женщин, которые похожи на нее так же, как растворимый кофе похож на настоящий, или как настоящий «Житан» похож на тот, который продается у нас и заставляет парижских таксистов воротить нос и спрашивать: «Вы что — из России?»

Или заставляет пить.

Или...

«Когда-нибудь я напишу о ней», — подумал я, хотя никогда за стол не садился, и даже в юности стихатами не баловался. Потом я уснул.

Утром меня разбудил звонок. Поначалу из трубки

раздавались только рыдания. Я ждал и знал уже, что за этим последует.

У каждого в жизни бывает один такой звонок.

– Игорь... застрелился! – наконец выдавила Машка.

– Еду, – коротко бросил я и упал на подушку.

Потом быстро оделся, выскочил на улицу и прыгнул в такси. Проверил карманы – денег в них не оказалось. Плевать.

Я ехал и знал, что тоже самое делает сейчас и Олег, давно плюнувший на всех нас, и Костя, может быть сегодня впервые пославший свою куклу, и Машка – модница наша – мчится в слезах и без косметики...

Горе. Горе сплотило нас, и мы снова будем дружить.

А если что-нибудь случится... Я знаю, что делать.

07.06.99 Москва

ОДИН ДЕНЬ В МОСКВЕ

Хотелось бы признаться в писательском вымысле. Или в том, что все нижеописанное — плод долгих наблюдений и систематизации. Но нет. Это и в самом деле — один день в Москве. Пусть даже и не самый типичный. Итак...

Я выхожу из дома. Цель самая мирная: купить муку. Хочу испечь булки — жена любит всякие печености. Да и холодильник пустой — заполнять надо.

Жарко. Улица почти пуста. Хочется пива.

Мужик впереди издает естественный, но непристойный звук и крякает удовлетворенно.

— Э-э-эх! Позорник! А еще в Москве живет, в столице, — это старуха сзади, у подъезда.

— А как же, — мужик не смущен. Мужик хороший — водка плохая. — А ты что, не подпердываешь, старая? Небось тоже подпердываешь....

— Свинтус ты, и больше никто... Э-э-эх...

Обгоняю задомужика и оглядываюсь. Старушка поднимает покосившийся забор и пытается установить его как следует. Так вот он — смотритель Москвы, блюститель нравственности...

— ...Я ему говорю: твоя защеканка в рот берет, а я отвечать, что ли, должен? На кой хрен ты ее привел? Че ты вообще из-за бабы повелся, как чушка?

Обгоняю. Соображаю, как бы выгадать на пиво без ущерба для семейного бюджета.

Алкоголь... Первые сто грамм — состояние сродни легкой влюбленности. Рука тянется к блокноту. Если бог един — есть в нем частичка Бахуса.

Вторые — спад, Далее — импотенция.

Не буду выгадывать.

— Он, сука, руку выбросил. Тогда я пустой бутылкой как е...

Обгоняю. Классно ему... Девушки и движение. Мне бы тоже хотелось идти в компании обтянутых и тронутых хлопком задов, заходить назад — якобы для того, чтобы не обкуривать дымом — и рассматривать, рассматривать... «Интересно, а она подбривает? У нее..» Да...

У меня тоже есть свое движение. Туда — сюда. Бросить курить — начать курить. Бросить пить — треть печени уже тью-тью — начать пить. Прочитать и забыть. Сплошные пузыри, реакция нейтрализации. И жена... Ей нужна твердая и дающая рука, а не то бьющая, то гладящая.

Чепуха. Это у меня от жары такие мысли.

Обгоняю, обгоняю...

— Не. Мы туда не пойдем — там ментов слишком много.

«Ментов...» Дубинки у них твердые — сам знаю.

Обгоняю.

Хотелось бы быть прозрачным, но все это вязнет, вязнет во мне. Может, все-таки выгадать на пиво? Нет. Нет ничего более тошнотворного, чем уличенный человек. Нужно купить муки.

Чтобы попасть на рынок, требуется пройти мимо пивного ларька. Сегодня возле него весело: трое здоровенных... как это будет по исконно-посконно-русски... битюга бьют роллера. Вернее, — топчат уже.

Рядом — обменник, метро, магазин, милиции — хоть отбавляй. Но они — молодцы, с поста ни ногой.

Народ стоит классическим полукольцом и наблюдает. Какие только причудливые формы не принимает равнодушие! Даже форму живого интереса.

Битюги бьют сладострастно, перехохатываясь до-

вольно, удары их коротки. Греются вниманием, стараются, чтоб покрасивее да поточнее. На пиво отвлекаются редко — не до него сейчас.

Печень у человека справа, яйца — между ног, селезенка — бог ее знает, в брюхе где-то. Сосудов там много, кажется... Нога в расслабленном животе тонет, когда бьешь. Сначала даже удивляешься этому ощущению. Я знаю — и бил, и сам получал.

Роллер медленно отваливается на спину. Лица нет.

Однажды в детстве я уже видел такое полукольцо: разбитый автобус, покосившийся столб... И водитель на обочине. Половина черепа аккуратно снесена, на подсыхающих мозгах оседает пыль. «Скорая помощь» неподалеку — «волга» приземистая, катафалк белый. Врачи курят. Водитель умирающий так же медленно переваливался...

Хожу я очень быстро. И нужно быть равнодушным: цель у меня самая мирная: купить муки. И еще всяких разностей... Жалко роллера... Нет. Нельзя.

У входа на рынок оглядываюсь — вид на ларек перекрывает цветочный киоск. Стою минуту... «А-ат, черт», — и иду назад.

Роллер лежит, откинув руку. Так может лежать только сломанная рука.

Урна, полная мусора — довольно тяжелая штука, но я вытряхиваю ее и получается сносно. Бить лучше кромкой, что у дна — соображаю. Так больнее будет. Терпеть не могу драться. И страшно.

Одного угощаю сзади, он тут же падает, бедняга, сопаткой прямо в асфальт. Другого — по инерции в рыло, чтобы замах не пропал. Кто знает, хватит ли сил и времени на новый — тяжелая урна, черт... А третий бьет меня. Ногой в лоб. Достал, с-с-с-с... Стена ларька не дает мне упасть. Ухожу в сторону. Так... На тебе!

Ничего, расползлись они. Не понравилось им такое повышенное внимание. И мы с роллером поползли, как могли. Да я-то ничего, в порядке. Фактор внезап-

ности. А этому здорово досталось. Икает, как пьяный, глаза в разные стороны... И ноги разъезжаются. Коньки долбанные.

Подходим к метро.

— Тебе куда? — спрашиваю.

— А?

— Куда ехать, спрашиваю? Или, может, «скорую» вызвать?

— Да нет, не надо... Я тут живу... Неподалеку.

— Смотри, у тебя же рука сломана! Давай вызову!

— Не... В «мусорскую» отвезут.

— Стой тогда, отдыхай.

— Угу... Слушай, — он лезет здоровой рукой в карман и вытаскивает червонец. — На... Сигарет купи мне... Там киоск... в переходе.

— Какие тебе?

— Все равно.

— Ладно. Обопрись вот об это, — я забыл в тот момент, как называются перила. — Я сейчас.

Покупаю «Аполлон», выхожу... Роллера нет. Укатил куда-то. Зачем? И как он смог? Сотрясение, рука сломана...

Закуриваю даровые сигареты и стою, расслабленный. Подходит милиционер. Отдает честь.

— лейтенант Дын — дын — дынский. Вам известно, молодой человек, что здесь курить запрещено?

— Я же на лестнице...

— Это территория метрополитена. Предъявите документы.

Черт... Надо мне было забыть паспорт именно сегодня... Для вида шарю по карманам и говорю с сожалением:

— Дома оставил, кажется.

— Угу. А вам известно, что по распоряжению номер н-надцать в Москве сейчас... Что?

— Паспортный контроль, — отвечаю наобум.

— Паспортный контроль... А вам известно, что мы можем задержать вас на три часа до выяснения личности?

— Конечно.

Было дело. Я же говорю: дубинки у них жесткие. Не с потолка же это знание...

— Известно, значит... Вы не торопитесь? У нас там очередь. Но я могу попросить начальника, нас пропустят... Хотите? — зондирует меня старлей: не паникую ли я?

— Попросите, — мне уже на все наплевать. — Но я действительно очень спешу — скоро придет жена, мне нужно сделать покупки.

— Что ж вы тогда тут загораете? Живете поблизости, или нет?

— Рядом, в пяти минутах.

— Лейтенант задумался на секунду и козырнул:

— Всего доброго. А на улицу все-таки выйдете, чтоб я не видел.

Я послушно выхожу и сразу чувствую, что меня хватают за рукав. Вздрагиваю: не один ли это из тех? И готов уже получать по морде, но, оглянувшись, успокаиваюсь. Просто бомж какой-то, пьяный в стельку.

— Слушай, брателло... Переведи меня... на ту сторону. А то я уже... плохой совсем.

— Куда?

— Вот... Через эту.

Я веду его и задыхаюсь от ужасной вони, исходящей от его тела. Можно подумать, что меня под руку держит мертвец, который неделю разлагался под палящим солнцем. Вдобавок идем мы чертовски медленно. Бомж то засыпает, то просыпается и постоянно бормочет какую-то матершиную абракадабру. Наконец, мы на той стороне.

— Вот... спасибо... брателло.

— На здоровье.

– Слышь... браток... У тебя рубль будет? А?

– По-моему, хватит тебе на сегодня.

– Ну извини. Извини, слышь...

Я отмахиваюсь от него и направляюсь домой. На рынок идти пропало всякое желание. Жена скоро придет... Что ж, придется ей ужинать пельменями.

По дороге останавливаюсь, покупаю пиво – самое крепкое – и выпиваю его тут же, у киоска. Теплое, мать вашу... Все. Домой. Навстречу скандалу.

Такой вот «Один день Ивана Денисовича», такой «мистер Леопольд Блум любил поедать внутренние органы животных и птиц» и далее по тексту.

А вообще москва... Простите, Москва – хороший город. Я люблю его, кажется.

09.06.99. Москва

Мате – наутро.
Бадов Дмитрий, 27.11.02, утро.

ПОДМОСКОВНЫЕ ПОЛДНИКИ

пьеса в одном действии

Действующие лица:

Прическа Анна Евгеньевна, девица 23 лет, учительница земской школы.

Гнилозубова Катерина Давыдовна, 25 лет, чья-то дальняя родственница. Лечится от нервного расстройства дачным воздухом.

Жвакин Иван Иванович, молодой человек, кончивший в этом году семинарию, жених Катерины.

Хорьков Денис Трофимович, штабс-ротмистр.

Вислощекин Трофим Денисович, его дядя, отставной полковник.

Марфа, старуха 78 лет, няня.

Чехов Антон Павлович, врач, литератор.

Работник.

Действие происходит на даче Прическиной.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная на даче Прическиной. Стол, стулья, кресла, диван, пианино. В углу дивана сидит Марфа, дремлет, на коленях у нее шитье. Жвакин ходит из угла в угол, поглядывая на все с рассеянной задумчивостью. Прическа стоит у окна, выходящего на террасу, где в кресле-качалке сидит Вислощекин. Он курит и читает газету. Жужжат мухи.

Вислощекин (недовольно, растягивая слова). Гм... Эт-того еде недоставало...

Прическа (скучливо, ни к кому не обращаясь). Вот вечно так — ухватится прежде всех за новую газету и все недоволен. Так зачем же читать, спрашивается? (громко) Что там еще за оказия, Трофим Денисыч?

Жвакин останавливается посреди комнаты, на секунду прислушивается и возобновляет хождение.

Вилощекин (откашлившись, хрипло). Да вот, изво-лите ли видеть, Анюта, известный химик Хрычов — и что это за фамилиё такое богомерзкое бог дал? — так вот, этот Хрычов произвел анализ табака и нашел по-мимо ранее известного никотина еще массу всякого вредного вздора. И что за охота пришла в гадости ковы-ряться? Теперь и папироску в рот взять боязно, а я ведь, матушка, осмелюсь доложить, уж полвека, как курю не переставая-с...

Жвакин (фланирую). А Вы бросьте.

Вислощекин. Как так — бросьте, позвольте осве-домиться?

Прическаина. Да, в самом деле, отчего бы Вам не бросить, Трофим Денисыч? Это был бы поступок.

Вислощекин. Поступок? Эх, государи мои... В ваши годы и я был способен на поступки, да нешуточные, по сравнению с коими отказ от дыма — чепуха... Об-ленился я, в этом кресле сидя, все чувства солнышко пропекло. Мне уж два понедельника назад умереть бы пора, а я все газетами шуршу. Какие уж тут поступки... Вот лет через двести-триста, быть может, люди вообще не будут курить...

Жвакин (скептически). Вы полагаете?

Вислощекин. Что там наш батюшка говорит? Я не расслышал.

Прическаина. Он, кажется, не верит, что в будущем всё будет иначе.

Вилощекин. А ты поспорь с ним, душа моя. Споры будоражат мьель и полезны в молодости. Это мне уж поздно, да и переспорите вы Сеня с вашей ученостью.

Прическаина. Да как с ним спорить? Давеча зашел разговор на сходную тему, а он ко всякому слову при-дирается... Поссоримся мы с тобой, Ваня, этим летом, гляди...

Вилощекин. Ну, это уж, детки, совсем не к чему. Кажется, ссора — так, пустяк, а душу сушит. Врагами час-то людей делает, да... А в полку у нас, в бытность мою,

сколько мундиров из-за всякого вздора, прямо сказать, дырявили... Чуть что — сейчас за шпагу, а то пистолеты. Сколько угодно-с...

Жвакин. И сами, небось, не терялись?

Вислощекин (тряхнув газетой, расплавляя листы).
Гм...

Прическаина, укоризненно взглянув на Жвакина, проходит через комнату к раскрытому пианино, садится к нему и берет несколько минорных аккордов.

Марфа (вздрагивая и просыпаясь). Ох, грехи наши... Я, кажись, задремала... (Жвакину) Сколько времени набежало, батюшка? Не пора ли к обеду собирать?

Жвакин (взглянув на стенные часы). Двенадцатого половина.

Марфа. Может, самовар прикажете?

Жвакин. Право, не знаю... Анюта, ты как?

Прическаина (наигрывая). Жарко... Да и Катю дожидаться надо. Неудобно.

Жвакин. В самом деле. Не нужно, Марфа.

Прическаина. Что-то долго она сегодня гуляет. Не случилось бы чего.

Жвакин. Она, кажется, дурно спала этой ночью. Я проснулся в третьем часу и слышал, как она ходит в свое комнате.

Прическаина. Это все ее романы французские. И бабки наши читали, и матери, и мы черпаем оттуда свои иллюзии и миражи. Завышаем требования к жизни, к любви, и настоящая жизнь с ее обыденным, размеренным течением уже кажется нам скучной и пресной... Нам надобно потрясение. Это пошло и безнравственно, наконец.

Жвакин (усаживаясь в кресло). Что ж в любви безнравственного? Даже мне — семинаристу, человеку, привыкшему к дисциплине более строгой, чем даже наш Трофим Денисыч — даже мне не понятно, что вы нашли безнравственного в любви.

Вислощекин. И то... Любите, коли бог чувство пос-

лал, да к человеку достойному, с принципами... Так я говорю, Марфа?

Марфа. Вам бы все шутить над старым человеком, батюшка. Откуда ж мне знать? Всю жизнь не до любви было...

Вилощекин. А ты своей старостью не кичись, нянька. Мне самому помирать пора, а я — видишь? — в кресле качаюсь да с молодыми про любовь рассуждаю. (С трудом выпрямляя ногу.) Проклятое колено... Никак, в ночь дождя ждать. И духота адская. Мухи точно взбесились... (отмахивается газетой.)

Жвакин. И все-таки, Нюта, ты мне не ответил.

Прическаина. Сколько раз еще просить тебя, Иван, чтобы ты не называл меня этой мещанской кличкой? Ты не выносим.

Жвакин. Изволь. И так, Анна Евгеньевна, я покорнейше прошу...

Прическаина (перебивая). Ну, хорошо, хорошо, если ты непременно хочешь. Я не саму любовь нахожу пошлой, а то, как ее трактуют в драмах, романах...

Жвакин. Современных или...

Прическаина. Не все ли равно? Пошляков, слава богу, на Руси во все времена хватало...

Жвакин. Однако романы-то — французские...

Прическаина. Да разве мало и наших? Вербицкая, например, а этот индюк Барон Брамбеус? Даже Гончаров — и у того герой все страсть ищет, страсть! Вам тоже, Жвакин, страсть подавай? Или не позабыли еще семинарию?

Жвакин. И я после этого спорщик! Засвидетельствуйте, Трофим Денисыч. Это все Нюта фрондирует.

Вислощекин. Я не слышу, о чем вы там... Да и скучно. Каждый день одно и тоже.

Жвакин. Вот именно. Работать надо, Анна, работать, а не о любви рассуждать.

Прическаина. Я работаю. Чего ж еще? Учу, лечу мужиков и детей...

Жвакин. Однако, не любишь ты трудиться, не любишь.

Прическина. Однако, работаю. А любить труд... Недавно прохожу полем, а там мужики косят, пот струится, а они песни поют. Но они, по крайности, видят результат своего труда, видят, сколько уже скошено, а сколько осталось... А я? Что я вижу, кроме глупых лиц их детей? Ничего. И лечить их — глупая затея. Сегодня помирает, возись с ним, лекарства переводи... Одной соды да касторки сколько трачу! А он, чуть опустило — уже водку хлещет да бревнами ворочает.

Жвакин. Так ведь какая жизнь у них... Не поработай он день — вся семья голодной останется. Это для вас труд — забава. Иллюзия того, что вы не даром крестьянский хлеб едите... Да еще считаете, сколько касторки на них ушло... А вот если мужик, которого вы же и научили считать, сядет да и прикинет столбиком, сколько молока да хлеба, да масла постного на вас тратится, чтобы вы на фортепианах бренчали и о Брамбеусе вашем философствовали... Вон, на родине столь ненавистных вам романов, мужички подсчитали... И сколько нашего утонченного, образованного брата потом на фонарях болталось? Знаете?

Прическина. Вы что ж, нарочно хотите оскорбить и унижить меня, Иван Иванович? Так вам это почти удалось.

Жвакин (примиряющим тоном). Простите, ради бога, Анечка. Меня действительно того... занесло. Настроение, знаете ли... да и Катя что-то не идет... А, вот и она, кажется! Слава богу...

Входит Гнилозубова. Она прихрамывает, платье ее в одном месте грязно, в руке она сжимает разбитые очки. За ней следует Хорьков с удочками.

Прическина и Жвакин (вместе). Что случилось, Катя?!

Вислощекин. Катенька, душа моя, Вы, никак, упали?

Марфа (соскакивая с дивана и причитая). Ах ты, господи, напасть какая!..

Гнилозубова (с досадой). Оставьте меня все! Это ужасно... Оставьте, прошу вас... (Вскрикивает.) Ах! Колено...

Жвакин и Марфа поддерживают ее под локти и сопровождают к дивану. Она усаживается, стонет.

Вислощекин. С коленом шутки плохи. Льду, льду хорошо бы, оповельдоку... Да доктора.

Жвакин. Да-да... Федор!

Заходит работник Федор, кланяется.

Жвакин. Сходи скорее за доктором. Он должен быть в доме Краевичей.

Федор. Слушаю-с... (Уходит.)

Жвакин. А ты, Марфа, чем причитать, смочи водой полотенце да неси сюда — нужно обмотать ногу.

Прическаина (беря теперь мажорные аккорды, напевает). И бо-о-оль у-тихнет, тра-та-та-та!

Жвакин (раздраженно). Аня, помоги лучше!!! Марфа, скоро там?!

Прическаина. Чем же я помогу? Касторкой разве.

Марфа. Сейчас, сейчас, батюшка! Уже иду!

Входит, держа в руках умывальный тазик с водой, где плавает полотенце.

Марфа. Вот, батюшка, вот. Да что же это...

Хорьков. Это все я виноват, опять я.

Жвакин. Вы? Каким образом?!

Прическаина (поет). Опять я-а-а... Ка-а-аким о-о-образом...

Гнилозубова. Я шла по тропинке, задумалась, а тут Денис из кустов выпрыгнул...

Прическаина. И-и кри-и-икну-ул...

Вислощекин. Ну что ты, в самом деле? Эполеты носишь, а как мальчишка! Удочки да шутки, прямо сказать, дурацкие... Ремня тебе.

Жвакин. В самом деле, Хорьков, что за моду взяли? Это не в первый раз...

Хорьков (нахально). Всяк по своему со скукой борется...

Жвакин. Ну, знаете ли...

Прическаина. Вся-ак по сво-оему... А ты вызови его на дуэль, Ванечка.

Жвакин. Это что, тоже из романа?

Вислощекин. Полноте, дети, полноте! Не будем ссориться — это скучно. Что о нас скажут те, кто будет жить после нас, лет через двести-триста? И так жизнь — скучная штука, а тут и ссоры...

Прическаина (восторженно). А я верю, что наступит золотое время, когда люди будут чисты друг перед другом и ссор вовсе не будет. И наши потомки...

Жвакин (перебивая). Всё это прекрасно, но где же доктор?

Хорьков. Наверно, напился пьян с Краевичем. Тот, кого хочешь, заставит.

Вислощекин. А ведь был когда-то интеллигентный человек. Прямо сказать — звезда между всеми нами. Физик... наше земство — во многом его да вашего покойного батюшки заслуга.

Хорьков. И что-с?

Вислощекин. А ничего особенного-с. Просто. Засосало его наше болто. В каких-то десять лет опустился человек.

Жвакин. Доктор?

Вислощекин. Доктор у нас человек новый... говорят, даже непьющий, но... поглядим, что с ним станет лет через десять. Вспомнят ли его потомки.

Прическаина. Говорят, он в журналы пишет. Я, быть может, и читала, да не помню, как зовут его.

Вислощекин. И хорошо, что не помнишь. Значит — ты здорова, сердце мое.

Хорьков (ни к кому не обращаясь). Вот и у нас в полку одному поручику так ногу оторвало, хирург его, как мог, почикал, да только какие у нас врачи... Антонов огонь, и попал на Смердюк на небо. Да-с. Finita.

Жвакин. Хорьков! Увольте нас от своих армейских историй.

Вислощекин. Виноват — так изволь помолчать-с, когда люди делом заняты.

Хорьков. Делом-с? Ну-нв...

Входит Федор. С ним Чехов.

Федор. Доктор пожаловали-с.

Жвакин. Хорошо, ступай, Федор. Пожалуйста, сюда, господин доктор... извините, на знаю, как Вас...

Чехов. Антон Палыч. (Подходит.) Что тут у вас? Никак, опять колено? Как вы мне все надоели!

Жвакин. Что это значит?

Чехов. А то и значит, батенька. То вон Вислощекин со своей подагрой надоедает, теперь вы... Да тут просто царапина! Стоило меня от работы отвлекать! Совсем тут от скуки с ума посходили, зануды...

Хорьков. Bravo! Славный малый этот докторишка! Такого к нам в полк... Не то, что вы — рыба кровь.

Вислощекин. Нашел товарища, поздравляю.

Жвакин. Сударь, да вы, никак, пьяны?

Чехов. А хоть бы и так. Что с того? Выпил с Краевичем шампанского... Один человек во всем уезде, с кем я себе могу позволить. И он, между прочим, не ноет по каждому поводу...

Прическаина. Это интересно, клянусь... Он оригинален, и с сердцем.

Чехов. Сидите тут, разводите дачное интеллигентское нытье по гамакам и креслам, слушать противно. А чуть прыщ вскочит — «их штербе!»... Тфю!

Вислощекин. Да что вы тут расплевались, сударь мой? Или вы в кабаке?

Хорьков. Ну-ка, а он что?

Чехов. Вся Россия — кабак. Что вы вообще знаете? Вы, скажем, на Сахалине были? Чаи тут распиваете... Грязь, упадок, пошлость... Люби тут людей.

Жвакин. Тоже мне, Герцен! Подите вон!

Чехов. А саквояжем в харю если?

Жвакин. Да я вас...

Чехов. Под суд? А я скажу, что вы требовали у меня

морфий, я отказал вам и вы тогда выкрали склянку у меня из саквояжа. Ославлю наркоманом на весь уезд, сделаю одолжение. Вон Вересаев — слышали — еще почище кушток выкинул. Да ну, тошнит меня от вас. Пошел я. А коленку йодом смажьте, будет с нее.

Чехов выходит.

Вислощекин. Каков нахал!

Жвакин. Небось — из разночинцев?

Вислощекин. Купеческий сын.

Жвакин. Тит Титыча сынок? Мило! А замашки у его степенства, как у Чернышевского.

Хорьков. А мне понравился.

Прическаина. Да, ничего себе.

Гнилозубова. Влюбись, тебе недолго. Ах, чет, очки разбиты... Ну, Хорьков, ваше счастье, что у меня запасные есть... Ваня, проводи меня...

Голос Чехова за сценой: Таких зануд, заплывших пошлостью и жиром, лет через двести-триста и помнить не будут. А меня запомнят!

Вилосщекин. Знаем, читали...

Хорьков (громко). Виват, Антоша!

Прическаина. Заткните фонтан, Хорьков. Марфа! Самовар!

ЗАНАВЕС.